

Толстой — какъ мировое явленіе

(Рѣчь, произнесенная въ Прагѣ 15 ноября 1928 г. на празднованіи юбилея Л. Толстого).

Заглавіемъ доклада «Толстой -- какъ мировое явленіе» я хотѣлъ отмѣтить одну специальную черту ея положенія. Я имѣлъ въ виду указать не то, что Толстого всюду знаютъ, цѣнятъ и чествуютъ. Это не важно: это могло быть простымъ результатомъ культурной солидарности цивилизованныхъ странъ. Такъ о во общее отношеніе къ Толстому-художнику; нѣтъ писателя болѣе чѣмъ онъ національнаго, болѣе связаннаго съ родной культурой и почвой, а между тѣмъ его п о в с ю д у читаютъ, почитаютъ и даже болѣе или менѣе понимаютъ. Въ другомъ положеніи Толстой, какъ мыслитель; по проблемамъ, которыя онъ себѣ ставилъ, по отвѣтамъ, которые онъ на эти проблемы давалъ, онъ вышелъ за рамки не только своей національности, но даже своей эпохи. Онъ былъ по-истинѣ всечеловѣкомъ, или, какъ теперь говорятъ, мыслителемъ мирового масштаба. Это не значитъ, конечно, что его ученіе нельзя связать съ родною землей. Толстой самъ призналъ въ своей Исповѣди, что именно въ нѣдрахъ этой земли среди «бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей», незатронутыхъ универсальной культурой, среди «странниковъ, монаховъ, раскольниковъ, мужиковъ» онъ нашелъ элементы ученія. Но это ничего не мѣняетъ. Вѣдь даже историки Христа и христіанства стараются ввести Его жизнь и ученіе въ рамки исторіи, объяснить ихъ условіями эпохи и мѣста; это не умаляетъ всемирности Христова ученія.

Я сопоставилъ Христа и Толстого и хочу сдѣлать одну оговорку, чтобы къ этому больше не возвращаться. Я понимаю, что одно это сопоставленіе можетъ оскорбить религиозное чувство. Этого бы я не хотѣлъ и извиняюсь заранее передъ тѣми, кого могъ бы задѣть. Я скажу въ оправданіе, что не только не собираюсь Толстого проповѣдывать, но даже его защищать; хочу только его и з л а -

гать. Этого сдѣлать нельзя, не затрагивая очень щекотливыхъ сюжетовъ; но я думаю, что и невозможно приходить чествовать память Толстого, если не позволить передавать его взгляды во всей полнотѣ.

Ученіе Толстого деликатная тема уже потому, что Толстой и Церковь во многихъ отношеніяхъ антиподы. Толстой утверждалъ, что онъ своего собственнаго ученія не имѣлъ, что онъ только возстановилъ подлиннаго историческаго Христа, затемненнаго ученіемъ міра и Церкви. Церковь учила наоборотъ, что это Толстой не понималъ, искажилъ и умалилъ Христа.

Для Церкви Христосъ есть Богъ, Мессія и Искупитель; его появленіе и судьба связаны со всей ветхозавѣтной мистикой. Евангеліе есть Откровеніе Бога, возвѣщенная людямъ абсолютная правда, общеніе Бога съ людьми.

А для Толстого Евангеліе есть людская и потому переполненная ошибками и суевѣріями легендарная повѣсть о человѣкѣ, который изложилъ людямъ удивительное по глубинѣ и разумности ученіе жизни и былъ за это ученіе ими убитъ. Преклоняясь передъ Христомъ, Толстой въ немъ Бога не видѣлъ. Я не разъ слышалъ отъ него самого, что если бы онъ считалъ Христа Богомъ, Христосъ потерялъ бы для него все свое обаяніе.

Въ такомъ взглядѣ на Христа нѣтъ ничего оригинальнаго; это обычное воззрѣніе всѣхъ невѣрующихъ. И естественно, что Толстой такъ смотрѣлъ на него. По своему міросозерцанію Толстой былъ человѣкомъ современныхъ воззрѣній, тѣмъ, что мы называемъ позитивистомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что разумъ нашъ ограниченъ; но признавая ограниченность разума, онъ не допускалъ и того, чтобы разумъ могъ узнати абсолютную истину въ порядкѣ вѣры и откровенія. Не нужно быть введеннымъ въ соблазнъ Толстовской терминологіей; онъ любилъ употреблять слова — религія, Богъ, безсмертіе и т. д. Но всѣмъ этимъ понятіямъ Толстой придавалъ исключительно деистическій смыслъ; Богъ былъ для него — непонятная, начальная сила; безсмертіе духа — простое признаніе факта, что наша духовная жизнь откуда-то появилась и, слѣдовательно, куда-то уйдетъ; а вѣра, по словамъ Ив. Кирѣевскаго, которыя онъ любилъ повторять, есть не столько знаніе истины, сколько преданность ей. Все это очень далеко отъ ученія Церкви

и потому Толстой по своему міровоззрѣнію истинный позитивистъ, сынъ нашего вѣка.

И оригинальность Толстого именно въ томъ, что, несмотря на свое позитивное міровоззрѣніе и вопреки ему, когда рѣчь заходила объ ученіи жизни, о Христѣ и Христіанствѣ, Толстой покидалъ позитивную дорогу и взгляды. Онъ не говорилъ подобно позитивизму, что проповѣдь Христа противорѣчитъ природѣ людей, что въ его ученіи надо видѣть только идеаль, который недостижимъ на землѣ и отдаляется по мѣрѣ того, какъ мы къ нему приближаемся. Толстой въ заповѣдяхъ Христа увидѣлъ ученіе, которое можно и должно въ точности исполнять и которое при такомъ исполненіи принесетъ счастье здѣсь на землѣ.

Очень часто бываетъ, что люди религіознаго міровоззрѣнія на практикѣ живутъ сами и учатъ другихъ жить по мірски; это обычное явленіе. Въ Толстомъ было обратное: при мірскомъ міровоззрѣніи онъ училъ жить по Божіи. Въ этомъ своеобразномъ сочетаніи противоположныхъ началъ, въ противорѣчій между Толстовскимъ міросозерцаніемъ и его ученіемъ жизни состоитъ оригинальность Толстого, его своеобразное мѣсто въ исторіи мысли.

Нельзя удивляться, что это свойство менѣе всего оцѣнено современниками. Историческія оцѣнки вообще дѣло исторіи. Для современниковъ дороже и ближе ихъ собственные преходящіе интересы и скорби; имъ важнѣе, какъ на нихъ отзываются, а Толстой былъ такъ содержателенъ и многостороненъ, что отзывался на все. Такая оцѣнка съ точки зрѣнія с в о и х ъ интересовъ не роняетъ ни Толстого, ни тѣхъ кто его такъ понимаетъ. Чтобы оцѣнить высокую гору нужно отойти отъ нея на очень далекое разстояніе; а оттуда уже не видно живыхъ конкретныхъ подробностей этой горы. Чтобы понять прелесть Эльбурса, эту голову сахара, нужно удалиться на десятки верстъ, изъ-за которыхъ кромѣ головы ничего уже не видно. Тотъ, кто идетъ по склону горы ея вершины не видитъ, но зато наблюдаетъ то, что издали недоступно, и ручей, и обрывъ, и прелесть горной тропинки. Только ему видны эти подробности, но для него зато скрытъ видъ всей горы. Оцѣнка подробностей есть долгъ именно современниковъ, только они могутъ ихъ дать; они должны это сдѣлать, чтобы помочь и историкамъ.

Современникамъ угрожаетъ однако опасность; отмѣчая понятные и доступные имъ мысли и поступки Толстого, они должны помнить, что Толстой и его мировое значеніе можетъ быть вовсе не въ этомъ; путникъ, бредущій по склону Эльбруса, можетъ думать, что Эльбрусъ и есть та тропинка, которую онъ топчетъ ногами. Да, конечно, Эльбрусъ есть и эта тропинка, — но тропинка еще не Эльбрусъ. Это случилось съ Толстымъ. Недаромъ всѣ, кто о немъ говорятъ, отмѣтили въ немъ обиліе противорѣчій. Это понятно. Отмѣчать ихъ вовсе не трудно. Но понимаетъ Толстого не тотъ, кто противорѣчія нагромождаетъ, а только тотъ, кто ихъ объяснитъ. Нельзя думать, чтобы критики Толстого были настолько умнѣе его, что обнаруживали противорѣчія тамъ, гдѣ онъ самъ ихъ былъ неспособенъ замѣтить. Правдоподобнѣе думать, что критики замѣтили ихъ тамъ, гдѣ ихъ не было вовсе и находили ихъ тамъ потому, что Толстого не вполне понимали. Можно только тогда заключить, что мы поняли, что о такомъ Толстой, когда мы эти противорѣчія себѣ разъяснимъ.

Чтобы не быть голословнымъ, хочу иллюстрировать эту мысль на примѣрѣ. Кромѣ изящной словесности, Толстому болѣе всего повезло въ политическомъ мѣрѣ. Объ его юбилеѣ религіозная и философская мысль хранитъ молчаніе; съ работами Толстого въ этихъ областяхъ она не считается. Заслуги и значеніе Толстого отмѣтила только литература и не менѣе чѣмъ литература — политика. Стоитъ пересмотрѣть юбилейную прессу, чтобы видѣть это преобладаніе. И сужденіе политиковъ о Толстомъ можно считать установленнымъ. Одни съ огорченіемъ, другіе съ похвалой отмѣчаютъ борьбу Толстого съ правительствомъ, съ насиліемъ всякаго рода, съ привилегіями, съ богатыми, сильными. Толстой для однихъ идейный в и н о в н и к ъ революціи, для другихъ человекъ, созданный быть революціоннымъ в о ж д е м ѣ. И наталкиваясь на непонятное ученіе — непротивленіе злу, политики объяснили эту нелѣпость простымъ недомыслиемъ; не то незнакомствомъ съ ученіемъ Маркса, не то даже незнаніемъ учебниковъ государственнаго права для второкурсниковъ.

Политики имѣютъ внѣшнее право зачислять Толстого въ свой лагерь; политическіе сюжеты Толстому не чужды; онъ писалъ такіе политическіе памфлеты, какъ «Стыдно» и «Не могу молчать»; затрагивалъ политическія темы въ

своей беллетристикѣ, напимѣрь въ «Воскресеньи»; наконецъ, и практически занимался политической дѣятельностью; достаточно напомнить его хлопоты и у властей, и у Государственной Думы, о проведеніи законодательства идей Генри Джорджа. Поэтому политики правы, когда среди интересовъ Толстого отмѣчаютъ эти мотивы и стараются опредѣлить политическую фигуру Толстого. Онъ самъ далъ для этого поводъ. Но тѣмъ не менѣе если только поэтому мы сочтемъ Толстого человѣкомъ нашего лагеря, мы сдѣлаемъ ту-же ошибку, что путникъ, который сочтетъ за Эльбрусъ ту тропинку, по которой онъ бредетъ среди лѣса.

Не нужно забывать, что хотя Толстой дѣлалъ все то, на что я указалъ, и дѣлалъ еще много другого, къ политическимъ вопросамъ онъ былъ не только глубоко равнодушенъ, но даже враждебенъ. У меня есть личное воспоминаніе. Побывавъ въ первый разъ въ Англіи, восхищенный многими сторонами англійской жизни, я сталъ восхвалять англійскіе порядки передъ Толстымъ. Онъ возражалъ и доказывалъ, что англійская конституція не лучше русскаго самодержавія. Рѣзкость его сужденій меня огорчала, но я нашелся отвѣтить. Это было время его хлопотъ о духоборахъ. Я сказалъ Толстому: «если въ Англіи жизнь не лучше, чѣмъ въ Россіи, зачѣмъ же вы переселяете духоборовъ въ Канаду?» Толстой сначала запнулся, потомъ добродушно засмѣялся въ отвѣтъ и сказалъ: «конечно, вы правы, разница есть. Но знаете ли: есть разница и между гильотиной и сажаніемъ на колъ и даже нашей висѣлицей. Если бы вы посвятили себя введенію въ Россіи гильотины вмѣсто веревки, это былъ бы прогрессъ. Но меня этой дѣятельностью вы не увлечете; для меня и гильотина и веревка одинаково мерзки».

Толстой въ спорахъ часто говорилъ больше, чѣмъ думалъ и это самъ признавалъ. Но въ данномъ случаѣ онъ скорѣе не договорилъ. Для него при его взглядахъ гильотина была бы хуже веревки. Свое истинное отношеніе къ государственной и политической дѣятельности Толстой изложилъ въ сочиненіи «Христіанское ученіе». Толстой спрашивалъ себя въ этой книгѣ; какъ могло выйти, что міръ не пошелъ за Христомъ? Отвѣтъ на это онъ нашелъ въ своемъ ученіи о «соблазнахъ». Соблазнъ, по его опредѣленію, — есть ловушка, въ которую заманивается чловѣкъ подобіемъ добра, и, попавъ въ нее, погибаетъ. Та-

кихъ соблазновъ Толстой насчиталъ пять. И пятымъ, едва ли не самымъ опаснымъ, соблазномъ онъ считалъ «сблaзнъ государственной», или иначе «сблaзнъ общаго блага». «Онъ состоитъ въ томъ, что люди оправдываютъ совершенные ими грѣхи благомъ многихъ людей, народа, человѣчества. Это тотъ соблазнъ, который выражаетъ Каиафа, требовавшій убійства Христа во имя многихъ». (Христіанское ученіе). Этотъ принципъ «общаго блага», который Толстой считаетъ соблазномъ, отвлекающимъ миръ отъ его настоящей дороги, — есть тотъ принципъ, на которомъ стоимъ всѣ мы, люди политики и государства. Мы не можемъ не считать и принужденіе и насиліе принципиальнымъ зломъ; но мы все-таки миримся съ нимъ потому, что для насъ это зло оправдывается п р и н ц и п о м ъ о б щ а г о б л а г а. Такимъ образомъ то, въ чемъ для насъ основное начало, которое направляетъ и оправдываетъ всю нашу дѣятельность, для Толстого есть соблазнъ, т. е. корень зла. И эта его мысль не случайна; она проникаетъ все его отношеніе къ міру, объясняетъ въ Толстомъ то, что не сразу понятно. Не разъ удивлялись, почему Толстой всего больше осуждалъ въ государствѣ именно то, что для насъ казалось наиболѣе цѣннымъ. Такъ, напримеръ, какой видъ государственной дѣятельности для насъ кажется самымъ почтеннымъ и безупречнымъ? Если принять старое дѣленіе Монтескье легко отвѣтить: такой является с у д е б н а я дѣятельность. У власти исполнительная есть непріятный элементъ прямого насилія; у власти законодательной элементъ произвола и приказа; въ судебной нѣтъ ни того, ни другого. Судебный дѣятель призванъ только сказать, какъ было дѣло, и чего хочетъ законъ. Судья высказываетъ не свою личную волю, онъ отыскиваетъ и объявляетъ то, что дѣйствительно есть. Дальше этого онъ не идетъ. Потому въ его дѣятельности менѣе всего тѣхъ элементовъ, которые отталкиваютъ морально щепетильнаго человѣка. Можно пойти еще дальше: теоретически при идеальномъ состояніи общества мыслимо жить и безъ исполнительной и безъ законодательной власти. Можно допустить, что всѣ люди будутъ такъ хороши, что безъ принужденія будутъ подчиняться закону, и тогда исполнительная власть станетъ ненужной. Можно представить, что всѣ законы будутъ такъ хороши, что мѣнять ихъ будетъ не нужно; не нужно будетъ и законодательной власти. Но всегда могутъ быть разномыслія ме-

жду людьми, всегда могутъ быть несогласія среди нихъ. Потому всегда будетъ необходимость въ органѣ, который подобный споръ разрѣшить и явится примирителемъ; а это и есть задача суда. Когда мы мечтаемъ, что войны больше не будетъ, что не нужно будетъ и войскъ, мы занимаемъ ихъ арбитражемъ, т. е. тоже судомъ. Словомъ съ точки зрѣнія насъ, людей міра, судебная дѣятельность самая необходимая, безспорная и почтенная. А между тѣмъ именно къ ней Толстой наиболѣе безпощаденъ. Ей онъ посвящаетъ спеціальныя осужденія. Почему? Да именно потому, что въ исходныхъ точкахъ зрѣнія на государство у насъ и у Толстого ничего общаго нѣтъ. Если государственная дѣятельность есть только соблазнъ, то соблазнъ тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе онъ скрытъ и замаскированъ; онъ этимъ только тѣмъ болѣе опасенъ; и потому Толстой особенно энергично именно его обличаетъ. Это Толстой проводилъ совершенно послѣдовательно. Въ недавней статьѣ о Толстомъ въ «Современныхъ Запискахъ» М. Алдановъ поставилъ недоумѣнный вопросъ: почему Толстой такъ дурно относился къ адвокатурѣ, почему всякій адвокатъ въ его изображеніи, по выраженію Алданова, «хамъ и пошлякъ»? Наблюденіе Алданова вѣрно, но и объяснить это нетрудно. У Толстого сказалось инстинктивное нерасположеніе къ этой профессіи. И нерасположеніе это совершенно понятно. Дѣятельность адвоката не только соблазнъ, но соблазнъ гораздо болѣе опасный, чѣмъ другіе соблазны. Вѣдь людямъ, которые посвящаютъ себя этой профессіи кажется, что сами они неповинны въ томъ злѣ, которое дѣлаетъ государство, въ его насиліи; живя тѣмъ же дурнымъ дѣломъ, служа тому же кумиру, — адвокаты воображаютъ кромѣ того, будто они борются съ этимъ зломъ, будто сами они не отвѣтственны за зло государства, и грѣша воображаютъ, что грѣшатъ только другіе, а не они. Соблазнъ «государства», соблазнъ «общаго блага», здѣсь скрытъ особенно глубоко. Почему, если судебная дѣятельность благовиднѣе, чѣмъ другія, то профессія адвоката самая благовидная изъ судебныхъ профессій. И тутъ опять сказывается разница между Толстымъ и всѣми нами. Тѣ самыя свойства, которыя заставляютъ насъ, людей міра, особенно благожелательно смотрѣть на эту профессію — конечно въ идеальной ея постановкѣ, а не въ уродствахъ, эти свойства отъ нея Толстого отгалкиваютъ; эта профессія въ его гла-

захъ — наихудшій соблазнъ и самообманъ; адвокатъ довольный собой, порицающій зло, которому онъ въ сущности служить, есть прежде всего лицемеръ.

Отсюда видно, до какой степени ошибаются тѣ политики, которые зачисляють Толстого въ свой лагерь. Они могутъ считать Толстого своимъ, а въ ученіи о «непротивленіи злу» удивляться его непослѣдовательности. Но Толстой своими ихъ не считалъ и непослѣдовательности въ его сужденіяхъ нѣтъ. Только пужно отдавать себѣ ясный отчетъ, что Толстой не то, что мы всѣ, и постараться понять, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ.

И для этого нужно усвоить сначала, что въ противоположность намъ, людямъ міра, исходной точкой Толстого было вовсе не сознаніе недостатковъ нашего общежитія, не желаніе воплотить справедливость въ общественныхъ формахъ. Эти мотивы Толстому не чужды; онъ не разъ объ нихъ говорилъ, какъ и всѣ мы, политики; но для Толстого они второстепенны; зато у него были другіе интересы, о которыхъ мы вовсе не думаемъ.

Толстой самъ рассказалъ въ своей Исповѣди, что его натолкнуло на мысли, которые привели къ «перелому». Онъ сталъ задумываться надъ тѣмъ, что для всѣхъ неизбежно, надъ предстоящей всѣмъ смертью; ему стало казаться, что если все то, ради чего мы живемъ, всѣ мірскія блага, матеріальныя и моральныя, наслажденія жизнью, богатство, слава, почести, власть надъ другими, если все это у насъ будетъ отнято смертью, то въ этихъ благахъ нѣтъ ни малѣйшаго смысла. Если жизнь не безконечна, то жизнь просто бессмысленна; а если въ жизни нѣтъ смысла, то жить вовсе не стоитъ, слѣдуетъ какъ можно скорѣе уйти изъ этой жизни, избавиться отъ нея самоубійствомъ. Вотъ то неожиданное и безотрадное заключеніе, къ которому привела Толстого мысль о смерти. Эта проблема о смыслѣ жизни, если только она кончается смертью, не связана ни съ опредѣленной эпохой, ни съ народностью, ни съ опредѣленными формами государства; это по-истинѣ м і р о в а я проблема, которая касается всѣхъ.

Критики Толстого часто утверждаютъ, что его нелѣпое ученіе только оттого обратило на себя вниманіе міра, что исходило отъ такого знаменитаго человѣка. Если бы это было такъ, то тѣмъ хуже для міра, который равнодушенъ къ такой важной проблемѣ, какъ смерть. Но въ одномъ критики правы. Если бы къ такимъ выводамъ

пришелъ кто другой, они бы не произвели того впечатлѣнія. Тогда можно было бы думать, что въ основѣ ихъ лежитъ просто житейская неудача, что пессимистъ разсердился на жизнь потому, что она ему не удалась. Но къ этому выводу пришелъ Толстой, котораго можно было считать счастливецемъ и баловнемъ и судьбы и природы. Онъ имѣлъ рѣшительно все, чего по мірскимъ понятіямъ можно было желать, все, что людьми именуется счастьемъ; и тѣмъ не менѣе онъ нашелъ, что жить вовсе не стоитъ.

Былъ ли такой выводъ только капризомъ своеобразной природы? Толстой отвѣчаетъ на это: нѣтъ, всѣ придуть къ этому выводу, если только честно поставятъ себѣ этотъ вопросъ. Если люди могутъ спокойно жить, зная, что имъ суждено умереть, то только потому, что въ суетѣ жизни они о смерти не думаютъ, что смерть имъ кажется чѣмъ-то очень далекимъ. Словомъ, люди могутъ жить лишь потому, что у нихъ мало воображенія, какъ Толстой говорилъ В. Ф. Булгакову про Софью Андреевну. Люди вопросъ о смерти ставятъ себѣ серьезно только тогда, когда жизнь уже передѣлывать поздно, или въ томъ болѣзненномъ состояніи, когда самая мысль плохо работаетъ. Но возьмите человѣка въ полномъ обладаніи силъ, который знаетъ, что черезъ нѣсколько дней онъ умретъ неминуемо. Таковы приговоренные къ казни; и въ своемъ «Кругѣ Чтенія» Толстой постоянно возвращается къ ихъ психологіи. Именно эти люди могутъ дать себѣ настоящей отчетъ въ смыслѣ человѣческой жизни. Что они думаютъ? Пусть нѣкоторые въ ужасѣ и отчаяніи вымаливаютъ у палачей нѣсколько лишннихъ минутъ; это не значитъ, что въ эти минуты жизнь станетъ для нихъ полна смысла. Въ нихъ тогда говорить простой инстинктъ жизни, страхъ передъ смертью, который оттого такъ и силенъ, что при нашемъ отношеніи къ жизни смерть такъ бессмысленна и чудовишна, что поневолѣ пугаетъ людей. Но отбросьте этотъ неразсуждающій страхъ, какъ къ эти люди пожелали бы провести свои послѣдніе дни? И можно не сомнѣваться, что приговоренные къ казни не будутъ видѣть радостей и удовольствія въ томъ, въ чемъ обыкновенно ихъ люди находятъ. Они не будутъ другъ передъ другомъ гордиться и чваниться, не будутъ хвастаться заслугами и достоинствами; не будутъ изъ-за минутнаго преимущества другихъ обижать; не будутъ ссориться между собой и отнимать у другихъ то, чего хочется имъ; не будутъ тратить времени, силъ и

труда на преумноженіе и накопленіе того, что имъ все равно придется оставить. Такое поведеніе съ ихъ стороны напомнило бы того богача, про котораго Христосъ говорилъ: «онъ собралъ богатства въ житницы и хотѣлъ ими наслаждаться вмѣстѣ съ друзьями; безумецъ, развѣ онъ это сталъ бы дѣлать, если бы зналъ, что Господь призветъ его къ себѣ въ эту ночь?»

Люди, не думающіе о смерти, заключаетъ Толстой, ведутъ себя, какъ этотъ безумецъ. И при наличіи смерти для человѣка есть только два выхода: либо нужно какъ можно скорѣе эту бессмысленную жизнь добровольно покинуть, либо нужно ее перемѣнить и найти въ ней тотъ смыслъ, который бы не уничтожился смертью. Вся философія Толстого посвящена э т о й проблемѣ.

Это по истинѣ міровая проблема и на нее Толстой даль отвѣтъ. Но чтобы принять этотъ отвѣтъ, нужно предварительно согласиться съ Толстымъ, что жизнь такъ, какъ міръ ее понимаетъ, дѣйствительно бессмысленна.

Это и объясняетъ, почему добрая половина тѣхъ возраженій, которыя дѣлались противъ Толстого, шла мимо него. Когда на проповѣдь Толстого о «непротивленіи злу» ему побѣдоносно указывали, что при этомъ ученіи мы станемъ жертвой насильниковъ, которые у насъ все отнимутъ, что погибнетъ культура, что не можетъ существовать государство, эти возраженія, по существу справедливыя, въ иѣль не попадаютъ. Если бы Толстой считалъ земныя блага достаточными, чтобы находить смыслъ въ нашей жизни, хотя она и окончится смертью, онъ бы не могъ проповѣдывать непротивленія. Чтобы идти за Толстымъ, нужно прежде всего признать вмѣстѣ съ нимъ, что всѣ блага нашей культуры не даютъ смысла человѣческой, ограниченной жизни. Для тѣхъ, кто пришелъ къ этому выводу, возраженіе, что проповѣдь Толстого можетъ погубить эти блага, просто смѣшна. Представимъ богатаго человѣка, который узналъ, что онъ опасно боленъ и скоро умретъ. Онъ обращается къ доктору, который ему говоритъ, что есть средство поправиться и спасти свою жизнь; что для этого нуженъ отдыхъ, нужно бросить работу. И вдругъ его управляющій станетъ доказывать, что этого сдѣлать нельзя, ибо это причинитъ у б ы т о к ѣ дѣламъ. Что же изъ этого? Что сказали бы мы про того, который предпочелъ бы лучше умереть, но богатымъ, чѣмъ жить, потерявъ часть состоянія? А къ э т о м у сводится

большая часть возраженій противъ Толстого. Когда въ ужасѣ передъ противорѣчіемъ жизни и смерти, которое ощущается только тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше придется терять вмѣстѣ со смертью, Толстой пришелъ къ выводу, что мірскія радости, богатство, слава, общее уваженіе — дѣлаютъ смерть только страшнѣе, а потому жизнь только бессмысленнѣй, и предложилъ с в о е ученіе жизни, то возражать на это тѣмъ, что это ученіе можетъ привести къ потерѣ этихъ призрачныхъ благъ, то-же самое, что отвѣтъ управляющаго доктору, что леченіе больного не нужно, ибо можетъ помѣшать ему богатѣть. Говорить съ Толстымъ такъ, значитъ говорить на разныхъ языкахъ, о разныхъ предметахъ. Тому, кто здоровъ, докторъ ненуженъ; для него достаточно управляющаго. Тому, кто не видитъ недостаточности земныхъ благъ, куда есть смерть, съ Толстымъ разговаривать не о чемъ. Для такого человѣка достаточно государственныхъ теоретиковъ, которые учатъ какъ создавать, распредѣлять и охранять эти земныя блага и цѣнности. Толстого нужно сравнивать не съ ними, не съ политиками, не съ тѣми, кто хлопочетъ объ увеличеніи благъ и справедливомъ ихъ распредѣленіи въ обществѣ, а съ тѣми, кто ставили тѣ-же проблемы, что и Толстой, т. е. съ учителями религій.

Въ этомъ оригинальность Толстого; я раньше сказалъ, что Толстой сынъ нашего позитивнаго вѣка, самъ позитивистъ; я остаюсь при такомъ утверженіи. Но я съ тѣмъ же правомъ могу прибавить, что по запросамъ своего духа Толстой р е л и г і о з н а я н а т у р а по преимуществу. Вѣдь степень религіозности человѣка опредѣляется не столько его взглядами, сколько серьезностью для него тѣхъ запросовъ и интересовъ, на которые отвѣчаетъ религія. Можно быть правовѣрнымъ и непоколебимымъ въ ученіи, которое предлагаетъ религія и быть нерелигіозной натурой. При системѣ нашего воспитанія отвѣты религіи часто узнаютъ и заучиваютъ раньше, чѣмъ умъ и совѣсть человѣка ставятъ вопросы, на которые о т в ѣ ч а е т ѣ религія. Потому-то заученные отвѣты религіи иногда распадаются при первомъ размышленіи и столкновеніи съ жизнью. У человѣка подобнаго воспитанія религія остается элементомъ наноснымъ. Истинно религіозной натурой можно назвать только ту, которая не можетъ спокойно жить, пока на нѣкоторые вопросы ума и души она не видитъ отвѣта, для которой от-

вѣты на нихъ такъ же необходимы, какъ для другихъ необходимы мірскія удобства. Толстой, который не могъ помириться съ жизнью, пока не разгадалъ ея смысла, который не уничтожился бы смертию, Толстой былъ поэтому подлинной религіозной натурой.

Потому такъ интересны взаимныя отношенія его и религіи.

Толстой началъ какъ всѣ; ему были внушены начала религіи въ тѣ дѣтскіе годы, когда душевныя запросы, на которые отвѣчаетъ религія, у него еще быть не могло; и какъ только въ немъ заработалъ умъ, воспитанный на современномъ позитивизмѣ, ученіе религіи оказалось для него страннымъ, а главное совершенно ненужнымъ; въ результатѣ Толстой потерялъ «дѣтскую» вѣру безъ борьбы и мученій, даже безъ сознанія, что онъ этимъ что-то теряетъ.

Но пришло время, когда зрѣлый умъ сталъ искать отвѣта на свои сомнѣнія; размышляя о смерти, о бессмысленности жизни при наличіи смерти, ставя вопросъ, къ чему и зачѣмъ всѣ мірскія пріобрѣтенія, разъ все равно онъ умретъ, Толстой впервые понялъ, что позитивное міровоззрѣніе не на все отвѣчаетъ. Какъ ни искалъ онъ именно въ немъ отвѣта на недоумѣнія, которыя имъ завладѣли, отвѣта онъ не находилъ. Толстой тогда впервые понялъ всѣмъ существомъ, зачѣмъ нужна человѣку религія, понялъ, что только она отвѣчаетъ на важнѣйшій вопросъ, который ставитъ себѣ человѣкъ; за чѣмъ онъ живетъ? И онъ обратился къ религіи на этотъ разъ уже сознательно; въ немъ совершилось тогда примиреніе съ Церковью, началась полоса усиленной религіозности, посѣщенія церковныхъ службъ, исполненія обрядовъ, изученія богословія. Можно было думать, что сознательное обращеніе къ вѣрѣ станетъ, какъ это обыкновенно бываетъ, уже окончательнымъ. Въмѣсто этого произошло нѣчто неожиданное. По мѣрѣ того, какъ Толстой вникалъ въ сущность религіи, какъ онъ знакомился съ ея отвѣтами на свои сомнѣнія, какъ онъ ближе изучалъ христіанство, онъ не только не сближался съ Церковью, но все болѣе отъ нея отдалялся и кончилъ тѣмъ, что открыто съ ней разорвалъ и возсталъ противъ Церкви во имя Христа.

Здѣсь центръ Толстовскаго перерожденія и его нужно понять; Толстой подробно и откровенно разсказалъ все въ своей «Исповѣди».

Конечно, уже самому позитивизму Толстого противорѣчила религіозная мистика. Ему было трудно заставить себя вѣрить въ Откровеніе, въ Промыселъ, въ чудеса, въ воскресеніе Христа, словомъ въ то, чему учить религія. Но изъ-за этого однако Толстой съ Церковью не разошелся бы. Онъ нашель позицію, на которой онъ могъ сознательно подчинить ученію Церкви свое позитивное міровоззрѣніе; этой позиціей для него было смиреніе, обузданіе гордыни ума. Толстой увидѣль смыслъ въ томъ, чтобы заставить сомнѣнія своего ума замолчать, смириться передъ «вѣрою міра», объединиться со всѣми въ общемъ подчиненіи Церковному авторитету.

Толстого оттолкнула отъ Церкви не ея мистика, а отношеніе Церкви къ земной жизни людей. Я позволю себѣ еще разъ повторить, ибо въ этомъ ключъ къ пониманію Толстого, что исходнымъ пунктомъ его перелома была мысль о недостаточности для жизни мірскихъ благъ матеріальныхъ и моральныхъ, если есть смерть, при которой эти блага исчезнутъ для человѣка. Не будь этого противорѣчія между смертью и жизнью, не будь смерти, позитивизмъ давалъ отвѣтъ на все земное. Культура увеличивала мірскія блага, государство ихъ охраняло и распредѣляло между людьми; оно обуздывало людской эгоизмъ, примиряло отдѣльныя вождельнія во имя общаго блага. Но зато вопросъ объ отношеніи личности къ собственной смерти не интересовалъ ни культуру, ни государство. Въ чемъ для нихъ тутъ вопросъ? Умерла одна личность, а на ея мѣсто стала другая; *la séance continue*, а душевныя муки отдѣльнаго человѣка позитивизма не интересовали; это личное дѣло cadaquo и даже больше: это простой предрассудокъ, результатъ самомишнія. Когда Толстой поставилъ себѣ этотъ вопросъ, какъ быть со смертью, онъ въ позитивизмѣ не нашель не только отвѣта, но даже простого вниманія къ трагизму вопроса. Это какъ въ «Смерти Ивана Ильича», когда умирающій не находитъ себѣ никакого утѣшенія въ томъ, что по непреложному закону природы всѣ люди смертны, а потому онъ тоже смертенъ. Развѣ я, думалъ умирающій, и Кай изъ учебника логики одно и то же? Развѣ смерть Кая могла примирить Ивана Ильича съ бессмысленностью и ненужностью его собственной смерти? И именно отъ этого Толстой отъ позитивизма обратился къ религіи; только она этимъ вопросомъ и интересовалась; только для нея отдѣльная человѣческая жизнь

есть самоцѣнность, самоцѣль, а не средство для какихъ-то другихъ цѣлей. Эта отдѣльная жизнь для религіи дороже всѣхъ царствъ міра; она наследуетъ вѣчную жизнь. Но зато Толстой полагалъ, что если исходная точка Церкви настолько противоположна земной, то ученіе Церкви о жизни непременно будетъ отличаться отъ ученія міра. Примѣръ Христа это и показалъ; по его ученію первые на землѣ станутъ послѣдними на небесахъ; то, что на землѣ считаютъ несчастьемъ, для Христа стало залогомъ блаженства; завѣтное и желанное для всѣхъ богатство есть тяжесть, которая не даетъ войти въ царство небесное. Такъ учить Христосъ. И потому практическіе совѣты Христа такъ отличны отъ ученія міра; онъ заповѣдуетъ не добиваться богатства, а раздать его нищимъ; не противиться обидамъ, а подставлять щеку обидчику и т. д. Словомъ: перемѣнилось направленіе жизни, перемѣнилось и все; то, что было направо, стало налѣво.

Таково ученіе Христа; но Церковь, говоритъ Толстой, въ своемъ ученіи о жизни пошла по другому пути; она не отвергла представленія міра о земныхъ благахъ и цѣнностяхъ; она подтвердила всѣ земныя понятія и учрежденія; осватила государство съ его грѣхами, съ его насиліями, войнами, смертными казнями; она стала учить, что на землѣ люди должны подчиняться велѣніямъ государств. Этого мало; въ лицѣ своихъ представителей Церковь показала, что и сама цѣнитъ мірскія богатства, комфортъ и почести. Все земное церковь оставила въ прежнемъ видѣ, какъ будто ея исходная точка зрѣнія на вещи была та-же, что и у міра.

Но если все осталось по-прежнему, то очевидно остался въ силѣ и тотъ вопросъ, о который споткнулся Толстой, изъ-за котораго онъ повернулся къ религіи; а именно, какой же смыслъ этой жизни, разъ то, на что мы жизни смотримъ какъ на благо, у насъ будетъ отнято смертью? Если для религіи точно такъ же, какъ и для невѣрія въ этихъ мірскихъ благахъ и достиженіяхъ есть смыслъ и радость жизни, то какъ религія мирится со смертью? Какъ она отвѣчаетъ на тотъ вопросъ, который себѣ задалъ Толстой; зачѣмъ нужно жить? На этотъ вопросъ отвѣтила мистика Церкви. Она учила, что смерти нѣтъ вовсе, что за гробомъ будетъ другая жизнь и возмездіе. Этимъ мистика помирила человѣка со смертью, съ бессмысленностью и безуміемъ нашей обычной жизни

на землѣ. А если такъ, то въ глазахъ Толстого мистическое ученіе церкви изъ того б е з в р е д н а г о ученія, которому было полезно себя подчинить, чтобы сломить гордыню ума, превратилось въ очень вредное средство, которымъ Церковь оправдывала привычную дурную жизнь на землѣ. И, чтобы этого добиться, она исказила Христа и скрыла отъ людей то, что въ сго ученіи было дѣйствительно великаго, но что шло въ разрѣзъ съ обычными взглядами міра. Этимъ путемъ, говоритъ Толстой, мистика Церкви послужила людскому обману. Благодаря ей люди стали видѣть въ ученіи Христа не то, что въ немъ было, не разумное, хотя и совершенно новое ученіе о жизни людей на землѣ, а способъ примирить людей съ ихъ бессмысленной жизнью и этимъ оправдать то зло, которымъ люди живутъ. Любопытно, что такимъ обвиненіемъ Толстой повторялъ то, что съ совершенно противоположной позиціи представляли противъ Церкви революціонныя ученія міра. Революціонеры обвиняли Церковь за то, что своимъ ученіемъ о загробномъ возмездіи она мирила съ несовершенствомъ и негодностью общества, мѣшала революціонной борьбѣ за представленіе всѣмъ на землѣ справедливой доли участія въ мірскихъ благахъ и радостяхъ. А Толстой, который проповѣдывалъ отреченіе отъ этихъ радостей, который не видѣлъ никакой пользы въ измѣненіи общественныхъ формъ, точно такъ же и со своей стороны обвинялъ Церковь въ томъ, что ученіемъ о загробной жизни она утвердила въ людяхъ вкусъ къ мірскимъ благамъ и радостямъ. Такъ позитивное міровоззрѣніе Толстого и революціонеровъ объединило эти двѣ крайности въ ихъ отношеніи къ Церкви.

Въ этомъ спорѣ Толстого и Церкви я не беру ничьей стороны. Но да позволено будетъ мнѣ указать, что въ своемъ отношеніи къ земной жизни людей Толстой и Церковь какъ будто помѣнялись ролями.

Въ своемъ мистическомъ міровоззрѣніи Церковь имѣла силу, которой могла объяснить и оправдать любяя требованія къ человѣку. Если серьезно вѣрить тому, чему учитъ Церковь, вѣрить въ безсмертіе, въ загробную жизнь, въ Божескій судъ надъ людьми и возмездіе, то этой вѣры достаточно, чтобы устроить по-Божью жизнь людей на землѣ. Если вѣра и не даетъ въ буквальномъ смыслѣ той силы, о которой говорится въ Евангеліи, т. е. если она не позволяетъ человѣку сдвинуть скалу, то ея все-таки

больше, чѣмъ нужно, чтобы помочь человѣку устоять передъ мірскими соблазнами. Человѣкъ, который говоритъ, будто дѣйствительно вѣрить въ ученіе Церкви, а отъ соблазновъ грѣха удержаться не можетъ, показываетъ только, что вѣра въ немъ не сильна. Если-бы онъ серьезно вѣрилъ и все же грѣшилъ, онъ поступилъ бы какъ тотъ, кто чтобы утолить жажду сталъ бы пить завѣдомый ядъ. Между тѣмъ такъ люди не дѣлаютъ. Потому истинная вѣра въ церковную мистику могла бы безъ труда вести человѣка къ исполненію не только высокихъ и разумныхъ, но и самыхъ жестокихъ и противныхъ природѣ подвиговъ самоотреченія, къ полному отказу отъ земныхъ радостей, къ аскетизму, схимничеству, столпничеству, скопчеству, даже самосожженію.

Но несмотря на силу, которую ей давало ея міровоззрѣніе, Церковь столкнувшись со слабостями и привычками міра, имъ уступила. И жизнь на землѣ она стала устраивать по позитивнымъ рецептамъ. Она вмѣстѣ съ позитивизмомъ стала учить, что завѣты Христа, его требованіе роздать имѣніе нищимъ, подставить щеку обидчику, не противиться злему — что все это лишь аллегорія; что это идеаль, котораго нельзя требовать отъ человѣка, который осуществляется процессомъ исторіи всѣмъ человѣчествомъ; а пока «по людской жестоковѣйности» людямъ достаточно жить по ветхозавѣтнымъ правиламъ и жить въ подчиненіи государству. Съ ученіемъ Церкви о жизни произошло то же, что съ ея ученіемъ о мірозданіи. Она и въ немъ уступила позитивной наукѣ, не стала настаивать на 7-ми дняхъ творенія, согласившись видѣть въ нихъ аллегорію, и перестала отлучать Галлилеевъ отъ Церкви за несогласіе съ Библіей. Словомъ Церковь при всемъ своемъ міровоззрѣніи, въ практическихъ выводахъ сдала свои позиціи позитивизму. Управление земной жизнью, взглядами и поведеніемъ людей Церковь оставила за людскими учрежденіями, наукой и государствомъ.

Значеніе ея для людей отъ этого не исчезло, но сосредоточилось въ очень ограниченной области. Церковь и ея ученіе стало прибѣжищемъ и утѣшеніемъ труждающихся и обремененныхъ. Обиженные судьбой или людьми, страдающие отъ людской несправедливости, безсильные добиться правды здѣсь на землѣ, получили отъ Церкви великое обѣщаніе: торжество правды за гробомъ. Такое ученіе Церкви примиряло міръ съ существующимъ зломъ.

помогало людямъ терпѣливо переносить ихъ личное горе. Мiръ продолжалъ жить по-мiрски; но Церковь стала какъ бы Краснымъ Крестомъ, который перевязываетъ раненыхъ, самъ не участвуя въ битвахъ. Церковь и ея ученiе стали поэтому сами собой, даже не заботясь объ этомъ, великой консервативной силой, оплотомъ мiрскаго порядка. И государство это поняло и само стало искать союза съ Церковью. И любопытно, что по тѣмъ же причинамъ политическiе реформаторы безразлично революціоннаго или эволюціоннаго толка, всѣ, кто хотѣли добиться полной правды здѣсь на землѣ, стали видѣть въ Церкви врага, гасителя революціоннаго или прогрессивнаго духа. Знаменитая фраза большевиковъ «религія опиумъ для народа» есть только глупое и грубое выраженiе; но по существу это мысль, которую они не одни раздѣляютъ; и стремленiе государствъ освободиться отъ союза съ Церковью, модный принципъ секуляризаціи есть невольная дань этой тенденціи. Такова судьба Церкви при ея столкновеніи съ мiрскими понятiями.

Совершенно обратный процессъ случился съ Толстымъ; позитивистъ по мировоззрѣнію, онъ отбросилъ позитивное ученiе о правильномъ устройствѣ человѣческой жизни и общежитiя и въ заповѣдяхъ Христа увидалъ не аллегорію, не недостижимый для человѣка идеалъ, а исполнимое и разумное правило поведенiя, дающее человѣку счастье здѣсь на землѣ. Такое пониманiе Христа для позитивиста было несравненно труднѣе, чѣмъ для Церкви; онъ не могъ ссылаться на велѣніе Бога и на возмездіе въ другой жизни; онъ долженъ былъ по-мiрски, убѣдительно для позитивнаго ума доказать, что христіанское ученiе способно уже на землѣ дать людямъ счастье. Толстой такъ поставилъ задачу и такъ ее разрѣшилъ; онъ сталъ проповѣдникомъ христіанства безъ Бога. Этимъ въ 80-хъ годахъ онъ исполнилъ мечту, о которой еще молодымъ человѣкомъ 5-го марта 55-го года записалъ въ своемъ дневникѣ.

«... Вчера разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую способнымъ себя посвятить жизнь. Мысль эта — основанiе религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ».

Толстой сознательно поставилъ себѣ задачу связать

два несомѣстимыхъ начала. Онъ разрѣшилъ ее какъ въ основной книгѣ, «Въ чемъ моя вѣра», такъ и въ специальномъ сочиненіи «О жизни». Въ нихъ все обоснованіе Толстовской теоріи.

Не въ томъ бѣда, говоритъ Толстой, что природа дала намъ смертную, конечную жизнь; а въ томъ, что сами люди сдѣлали эту жизнь исключительно личной. Въ этомъ противоположеніи жизни личной и общей — вся разгадка вопроса. Позитивизмъ знаетъ одно противоположеніе «я» и «не я». Свою личную жизнь мы противопоставляемъ общей и не только противопоставляемъ, но и предпочитаемъ ее. Все, что мы дѣлаемъ для другихъ, мы дѣлаемъ въ сущности для себя, ради своего удовольствія, долга или гордыни. Вся наша жизнь переполнена нами. Тѣмъ смерть и ужасна. Въ моментъ смерти наша личная жизнь, которую мы цѣнили превыше всего, исчезаетъ; и исчезаетъ только одна, а общая жизнь міра продолжается и безъ насъ. Потому смерть и стоитъ въ такомъ безнадёжномъ противорѣчій съ нашимъ отношеніемъ къ жизни; потому смерть и кажется столь бессмысленной, а бессмыслица смерти въ свою очередь дѣлаетъ бессмысленной и самую жизнь.

Какой же выходъ изъ этого? Онъ одинъ: человѣкъ долженъ жить не своей личной жизнью, а всей жизнью міра; онъ долженъ сознавать въ себѣ не свою личную часть, какъ противоположную міру, а только часть этого міра, онъ долженъ сдѣлать такъ, чтобы его личная жизнь ощущалась имъ только какъ частица чего то большого и бессмертнаго. Этому и училъ Христосъ. Христосъ своимъ ученіемъ о любви къ ближнему показалъ, какъ осуществлять такое отношеніе къ жизни. Онъ училъ любить другихъ какъ себя; училъ отказываться отъ всего личнаго; отъ личной собственности, отъ личной чести, отъ личного блага; заповѣдалъ подставлять щеки обидчику, отдавать все, что другіе попросятъ, бросить свое имущество и сдѣлаться нищимъ. И когда мы дойдемъ до послѣдняго, до того, въ чемъ заключается любовь больше которой не существуетъ, до жертвы собственной жизнью для другихъ, тогда смерть для насъ не будетъ страшна. Вѣдь это не невозможно; это бываетъ съ людьми. Такъ мать съ радостью умираетъ, чтобы спасти жизнь ребенку, солдатъ гибнетъ за родину или революціонеръ за доктрину. Все это человѣку доступно; и въ этомъ смыслъ жизни; ибо

только этимъ человѣкъ становится сильнѣе, чѣмъ смерть.

Таково логическое основаніе, которое Толстой подвель подъ свое ученіе. И вотъ почему заповѣди Христа открыли ему смыслъ земной жизни и уничтожили его прежній страхъ передъ смертью. Ученіе Толстого здѣсь сомкнулось въ систему. С, конечно, противъ такого ученія можно многое возразить и позитивизму, и Церкви. Позитивизмъ обрушился на и с х о д н у ю точку Толстого; почему воображаетъ Толстой, будто смерть уничтожаетъ смыслъ земной жизни? Зачѣмъ нуженъ какой-то смыслъ жизни, когда есть инстинктъ жизни и всѣ ея всѣмъ доступныя радости? Почему Толстой не мирится съ общей участью всего живого міра? Всѣ вопросы Толстого по мнѣнію позитивизма вопросы праздные, на которые не можетъ быть, да и не нужно, отвѣта. Не меньше возраженій противъ в ы в о д о в ъ Толстого представила Церковь и люди церковнаго настроенія. Объявить Христа человѣкомъ, отрицать его воскресеніе, не значить ли уничтожить всю основу Христовой ученія, свести христіанство къ нежизненной, неинтересной и недоступной человѣческимъ силамъ морали? Развѣ разсудочная теорія объ общей жизни, которая будто бы уничтожаетъ страхъ передъ смертью можетъ замѣнить для людей вѣру въ Любовь и милосердіе Божіе, въ его заботы о людяхъ, въ его всепрощеніе и радость конечнаго единенія съ нимъ? Своимъ ученіемъ Толстой добился лишь одного: возстановилъ противъ себя и міръ, и Церковь, и позитивизмъ, и религіозную мистику.

Все это вѣрно. Толстой пошелъ противъ Церкви, отвергнувъ религіозное міровоззрѣніе и противъ міра, отвергнувъ его взгляды на жизнь. Онъ соединилъ въ себѣ два несовмѣстимыхъ начала. Онъ заимствовалъ у міра его позитивизмъ, а правила жизни взялъ не у Церкви, какъ я долженъ былъ бы сказать для симметріи, а у Христа. И сдѣлавъ это, возсталъ противъ Церкви, обвиняя ее за то, что ради земныхъ благъ она отрелася отъ Христа, какъ когда-то испугавшись міра отказался Петръ отъ Христа въ саду Гефсиманскомъ. И потому Толстой возсталъ на два фронта и противъ Государства, и противъ Церкви. Но отношеніе къ Толстому этихъ двухъ главныхъ силъ міра было неодинаково.

Церковь его не простила; она считала его врагомъ и врагомъ самымъ опаснымъ. Она была совершенно права

Для Церкви опасны не люди невѣрующіе, которымъ все равно, какъ Базарову, что изъ нихъ послѣ смерти лопухъ будетъ расти. Такіе люди для религіи не существуютъ, ни какъ друзья, ни какъ враги. Толстой былъ не таковъ. Онъ не могъ жить, не найдя смысла жизни, т. е. не разрѣшивъ вопроса, который лежитъ въ основѣ религіи. Толстой и Церковь говорили однимъ языкомъ; Толстой могъ либо стать великимъ подвижникомъ Церкви, ея учителемъ, ея послушнымъ сыномъ, либо быть ея опаснымъ врагомъ. Онъ сталъ послѣднимъ, и Церковь его осудила. Но да будетъ позволено одно сопоставленіе. Въ своемъ окончательномъ выводѣ, несмотря на разрывъ съ Церковью, Толстой пришелъ къ проповѣдыванію Христа во всей его полнотѣ, къ тому, что Церковь не отвергала, но только считала выше слабыхъ силъ человѣческихъ. Отрицая Христа какъ Бога, Толстой тѣмъ не менѣе именно его проповѣдывалъ. И какъ будто къ Толстому можно было примѣнить притчу Христа о двухъ сыновьяхъ. Одинъ сынъ сказалъ отцу: «пойду» — и не пошелъ; другой сказалъ: «не пойду» — и пошелъ; Христосъ предпочелъ второго, непокорнаго сына. Такимъ сыномъ былъ и Толстой; онъ, не признавая Церкви, проповѣдывалъ то, чему она учитъ. Мы знаемъ изъ Евангелія Христовъ судъ надъ такими людьми. Но судъ людскій не таковъ; онъ предпочитаетъ внѣшнее послушаніе и потому судъ людской, хотя бы именемъ Церкви, его осудилъ.

Иначе отнеслось государство къ Толстому. Онъ былъ врагомъ государства, отрицалъ самыя основы его, всѣ тѣ учрежденія, безъ которыхъ государство немислимо. Но государство все же не испугалось Толстого. Государству приходится имѣть дѣло съ мотивами другого порядка, съ человѣческой жадностью, злобой, съ людскимъ эгоизмомъ. Государство и существуетъ затѣмъ, чтобы примирять и обуздывать подобныя страсти. Толстой, который былъ обличителемъ этихъ страстей, государству не былъ опасенъ. А съ другой стороны государство слишкомъ хорошо знало силу этихъ страстей, чтобы бояться, чтобы Толстой своею проповѣдью могъ людей за собой увести, убить волю къ жизни, любовь къ земному благополучію и тѣмъ погубить людскую культуру. Государство могло опасаться лишь одного, что взгляды Толстого могутъ быть перетолкованы, что изъ нихъ сдѣлаютъ не слѣ выводы, которые онъ бы хотѣлъ, что люди изъ него могутъ взять одно отрицаніе и этимъ послужить людской

злюбѣ. Потому государство запрещало проповѣдываніе взглядовъ Толстого, карало за печатаніе и распространіе его сочиненій. Но самого Толстого тронуть оно не рѣшалось. И этимъ больше всего объясняется противорѣчіе, которое не разъ отмѣчали въ дѣйствіяхъ государственной власти, судившей за распространіе его сочиненій, но самого автора ихъ не привлекушей. Это объясняли боязнью скандала; но для этого есть болѣе простая причина. Государство боролось съ тѣмъ мірскимъ пониманіемъ, которое можно было извлечь изъ Толстого. Но его самого оно не боялось и всю высоту ученія его понимало.

И не напоминаетъ ли это первую встрѣчу государства съ Христомъ, о которой намъ рассказала исторія?

Пилатъ не испугался Христа, когда его къ нему привели; за Пилатомъ стояло не только могущество Рима, но и жажда людей къ мірскимъ наслажденіямъ. Пилатъ былъ убѣжденъ, что заповѣди Христа міра за собой не увлекутъ. Но самъ язычникъ Пилатъ оцѣнилъ высоту Христова ученія; онъ хотѣлъ спасти Христа, самъ выдумалъ вопросъ о подсудности, заступился за него передъ его обвинителями, назвалъ Христа праведникомъ, оправдалъ его во всѣхъ обвиненіяхъ; предлагалъ отпустить его на волю для праздника. Такъ въ лицѣ Пилата поступало тогдашнее государство. Убило Христа не государство, а Церковь, которая настояла на казни и предпочла Варраву Христу. Церковь не простила Христу его непослушанія. И официальная іудейская Церковь распяла Христа за Моисея, какъ черезъ нѣсколько вѣковъ сама Христіанская Церковь стала жечь еретиковъ во имя Христа. Въ такомъ отношеніи государства и Церкви къ Христу очевидно была своя логика. Она сказала поздно. Прошло много времени, государство и Церковь размежевали свои компетенціи и примирились. То Церковь казалась сильнѣе, то государство ее подчиняло; но ученіе Христа приспособленное къ мірскимъ пониманіямъ уже никого не тревожило. И вдругъ явился Толстой и напалъ и на государство, и на Церковь во имя своего Христа. Его Христось былъ не Христось нашей Церкви, не Богъ-Сынъ, сидящій одесную Отца и сошедшій на землю ради величаваго подвига искупленія. Христось Толстого — простой человѣкъ, замученный, униженный и распятый людьми. Но къ этому замученному человѣку Толстой от-

несся не съ высокоуміемъ позитивизма, который въ Христѣ увидѣлъ только благороднаго утописта, изложившаго ученіе несовмѣстимое съ законами человѣческой природы. Толстой въ заповѣдяхъ Христа увидѣлъ разумную и спасительную разгадку жизни, совершенно исполнимое правило поведенія, но спасительное только въ томъ случаѣ, если его будутъ соблюдать полностью, безъ уступокъ человѣческимъ слабостямъ. Толстой свелъ личность Христа съ неба на землю, но зато ученіе его вознесъ до небесъ.

Въ этомъ была его міровая позиція. И съ этой позиціей повторилось то же явленіе. Церковь отлучила Толстого, лишила его погребенія, запретила молиться о немъ; а государство, позитивное государство, погрязшее въ человѣческихъ слабостяхъ, хотя не пошло за Толстымъ, какъ не пошло за Христомъ, Толстого не осудило, а низко поклонилось ему.

В. Маклаковъ.